

Олег Журавлев Роль студентов в установлении границ научности: физфак МГУ 1950– 1960-х годов

Олег Журавлев, студент
факультета социологии ГУГН

В данной статье меня не интересует вопрос о том, каким должно быть научное знание в отличие от квазинаучных построений. Вслед за П. Бурдьё я полагаю, что сегодняшние представления о границах научности — это результат истории борьбы за навязывание определенных взглядов на научную истину¹. Современная наука — продукт двойной секуляризации: сначала от религии, а затем от метафизики. Однако и сегодня мы слышим призывы превратить науку в область религиозной практики и философских спекуляций. Один из ярких примеров последних лет — попытки декана социологического факультета МГУ В.И. Добренёва создать «православную социологию»² и открытие на этом же факультете Центра консервативных исследований³ под руководством политика и религиозного мыслителя А. Дугина, убежденного в том, что научная рациональность Нового времени утратила всякий смысл⁴. Таким образом, исходя из современных представлений о науке, можно сказать, что Добренёв и Дугин публично предлагают нам квазинаучную социологию.

В отличие от естественных наук или даже обществоведения на Западе, в российской социальной науке отсутствуют внятные критерии рациональности и основанная на них интеллектуальная цензура: в условиях «полипарадигмальности» лженаука имеет все шансы стать одной из «научных школ». Поэтому из-за отсутствия культурных механизмов, воспроизводящих базовые представления о научности в социологии (подобно тому, как это делается на уроках математики или биологии в школе), поддержание границ научности в ней будет связано не с воспроизводством, а с выбраковыванием определенных типов интеллектуальной практики.

Именно такую попытку предприняли студенты социологического факультета МГУ и их союзники — преподаватели, ученые и общественные активисты. Объединившись в рамках инициативы «OD Group», они потребовали радикальной реформы образования на соцфаке, следствием которой должно было стать изменение границ научности в пользу международного консенсуса и в противовес религиозно-идеологической пропаганде под видом науки. Эта борьба, начавшаяся весной 2007 года, в 2009 году закончилась поражением студентов, которых отчислили или вынудили уйти⁵.

Сходные отклонения от норм научной рациональности случались и в естественных науках, например, в советской физике 1920–1950-х годах. В ходе борьбы ученых между собой эти

отклонения и стали отклонениями, т.е. были признаны ошибочными, хотя в какой-то момент многим казалось, что они могут стать новым образцом научности. Участвовали в этой борьбе (которой мы также обязаны сегодняшними представлениями о научности) и студенты физического факультета МГУ, в отличие от студентов-социологов нашего времени добившиеся победы. Основной вопрос этой статьи: при каких исторических условиях, как социальных, так и интеллектуальных, студенты имеют возможность внести свой вклад в установление нормы научной рациональности.

Борьба ученых

История советской физики первой половины XX века — это история непримиримой борьбы разных групп ученых. Для нас в этой борьбе интересно то, что на кон в ней были поставлены именно границы научности. Говоря в терминах Т. Куна, существовало два сообщества, пытавшихся в качестве «нормальной науки» утвердить два несовместимых друг с другом способа постановки научных проблем и их разрешения⁶. Одна из групп была представлена костяком руководства физического факультета МГУ. Эти ученые во главе с А.К. Тимирязевым, Н.П. Кастериным и В.И. Романовым — дореволюционными университетскими профессорами, чье положение в университете после революции только усилилось, — считали, что физика должна в первую очередь подчиняться философии диалектического материализма, а не экспериментальной проверке и математическим расчетам. Они отрицали новые направления в физике, квантовую механику и теорию относительности, и создавали в противовес им «самобытные» теории, опирающиеся скорее на некие философские размышления, чем на научную рациональность. В дебатах с оппонентами они часто оперировали не столько собственными научными аргументами, сколько ссылками на заведомое преимущество «партийной» (или «русской» в эпоху «борьбы с космополитизмом») физики и несостоятельность «идеалистической» (или «антирусской») науки.

Некоторые историки физики считают, что это отклонение от норм научности — следствие «идеологического давления» советской власти на науку. Однако, на мой взгляд, не менее важным фактором были особенности университета как социального института: он всегда был — и остается — склонен к автаркии, замыканию в собственных границах и установлению внутри них авторитарной власти. В этом смысле отрицание этими физиками теории относительности или их участие в кампании по «борьбе с космополитизмом» — не только следствия их научных и политических позиций, но и проекция специфической университетской логики неприятия того, что находится за пределами собственной вотчины, и установления внутри последней суверенной и монопольной власти. Впрочем, собственно научная сторона дела также имела значение: упомянутые мной университетские физики, будучи представителями старой, классической школы, часто не принимали новые теории потому, что они их не понимали, и университетская автаркия могла уберечь от критики и девальвации ценность их умений и знаний, лежащих в области «старой» физики и философских и идеологических спекуляций.

Этой первой группе ученых противостояли защитники новых физических теорий, выступавшие против превращения физики в область натурфилософии и требовавшие от своих оппонентов математической точности и экспериментальной проверки их «оригинальных» теорий. Многие из этих исследователей были сотрудниками Акаде-

⁶ Кун Т. Структура научных революций. С введением статьи и дополнениями 1969 г. М.: Прогресс, 1977.

¹ Bourdeieu P. Homo academicus. Cambridge, UK: Polity press.

² www.taday.ru/text/82371.html

³ www.konservativizm.org

⁴ См., например, его беседу с С. Капицей: <http://www.youtube.com/watch?v=Mn4O8rCpjoq>.

⁵ Сайт студенческой инициативы «OD Group»: www.od-group.org. Хроника событий — на сайте «Полит.ру»: www.polit.ru/story/sozfak.html и в номере «Баста» газеты «Что делать»: www.chtodelat.org.

мии наук, которая в отличие от университетского физфака, мало изменившегося после революции, превратилась из клуба знаменитых ученых в огромную иерархическую сеть учреждений с мощным финансированием и инфраструктурой. Долгое время политическое руководство Советского Союза, вопреки версиям о давлении тоталитарной власти на науку, держалось стратегии «разделяй и властвуй»: поддерживая «философских» физиков в обмен на идеологическую лояльность, а их порой менее лояльных оппонентов – в обмен на эффективные разработки для промышленности.

Ярче всего столкновение этих двух типов научного обоснования проявилось в дискуссии о теории Н.П. Кастерина, преподавателя МГУ и яростного противника теории относительности. Поводом для нее послужила статья Кастерина «Обобщение основных уравнений аэродинамики и электродинамики»⁷, опубликованная в 1936 году в издательстве Академии наук и вызвавшая ряд резко критических откликов в академических журналах. Интересно, что аргументы «за» и «против» этой теории были принципиально различными по типу обоснования и, больше того, несовместимыми.

Аргументы против теории Кастерина отсылали к содержащимся в его работе математическим ошибкам и положениям, противоречащим экспериментальным данным. Так, физик Д.И. Блохинцев говорил о «глубочайших ошибках», а также о том, что «большинство ошибок Кастерина являются математическими ошибками» и «даже трудно поверить, чтобы Кастерин делал такие ошибки». М.А. Леонтович предложил экспериментально проверить кастеринское положение о том, что «электрический вектор всегда перпендикулярен магнитному».

Защитники теории Кастерина использовали аргументы другого характера. Например, преподаватель физфака Н.С. Акулов заявил, что «теория ставит чрезвычайно интересный вопрос – это является фактом, независимо от того, является ли теория верной или не верной», и заключил, что «то, что эти работы нужно ставить в Советском Союзе, является <...> бесспорным».

Сам Кастерин так обосновывал ценность своей работы: «Теперь мы вполне определенно знаем, что такое электричество; что такое магнетизм; что такое электромагнитное поле. А благодаря этому мы знаем точно, что такое электрон <...>, которые во всех теориях до сих пор считаются первичными, дальнейшему анализу не подлежащими элементами, свойства которых становятся нам известными только путем опыта. А в моей теории все их качественные и количественные значения вычисляются теоретически <...> Теория всегда должна идти на шаг впереди опыта, а то какая же это теория, когда она идет в поводу за фактами»⁸.

Эти способы обоснования казались несовместимыми – в конце обсуждения Тимирязев воскликнул: «В такой атмосфере невозможна никакая дискуссия, здесь совершенно не может быть общего языка»⁹.

15 июня 1938 года на объединенном заседании Групп физики и математики ОМЭН АН¹⁰ состоялось итоговое обсуждение теории Кастерина. В резолюции, принятой на этом заседании, было сказано: «Хотя профессор Кастерин и заявляет, что он не изменяет основ классической физики, однако на деле его работы прямо противоречат основам не только новой, но и классической физики, причем противоречия эти имеют место в отношении положений, твердо установленных опытом. Поэтому Группы физики и математики ОМЭН не считают возможным дальнейшее финансирование работ Н.П. Ка-

11
Андреев А.В. Указ. соч.

стерина Академией наук СССР»¹¹. После этого заседания Кастерин был дискредитирован как ученый и остался без средств, необходимых ему для исследовательской работы.

Ареной борьбы этих двух групп ученых в 1920–1950-х годах был и физфак МГУ, где постоянно менялось соотношение сил между «философскими» и «сциентистскими» физиками. Участвовали в этой борьбе и студенты физфака: с одной стороны, соперничающие ученые должны были заручиться их вниманием и поддержкой, чтобы одержать победу, с другой, студенты имели собственные интересы, карьерные, научные, бытовые, и нуждались в альянсах с преподавателями.

В 1925 году студенты физфака добились приглашения на факультет физика Л.И. Мандельштама (специально отправившись за ним в Ленинград), который вместе со своими учениками стал главным оппонентом Тимирязева и его «философских» коллег из администрации факультета. Студенты высмеивали последних в поэме «Евгений Стромькин»¹², которая ходила по рукам в самиздате, и автор которой руководство факультета так и не смогло найти:

А, впрочем, хватит! Не хочу я касаться липких этих тем... Скажу лишь вот что: тьму проблем здесь освещали в словопреньях: что глуп Эйнштейн, вредитель – Бор, а физик – не макроприбор, а социальное явление; и, осветив, пошли домой. А тьма так и осталась тьмой¹³.

Многие из студентов физфака не признавали «оригинальные» теории университетских физиков, поскольку они вступали в противоречие с их базовыми представлениями о науке, которые были сформированы на уроках математики и физики в школе и поддерживались на лекциях по математике (которые читали преподаватели с соседнего механико-математического факультета) и на занятиях некоторых физиков на факультете, а также чтением научной литературы, в первую очередь, «опального» на физфаке учебника Э.С. Хайкина, ученика Л.И. Мандельштама.

Один из студентов 1950-х годов вспоминает о бессмысленных «философских» вопросах, ставившихся в рамках физических курсов: «“4” на экзамене по механике я получил в частности потому, что не смог ответить на вопрос, реальны или фиктивны силы инерции, – это бессмысленный вопрос на уровне, сколько бесов может уместиться на острие иглы»¹⁴.

В отличие от сегодняшней гуманитарной университетской науки – в которой, с одной стороны, часто вообще отсутствуют критерии рациональности, а потому непонятно, как отделить науку от квазинаучных построений, и в которой, с другой стороны, факультетское руководство имеет монопольную власть на образовательную политику, – на физфаке 1920–1940-х годов попытки части руководства создать «самобытную» университетскую науку наталкивались на неподатливость мышления студентов, находившихся под влиянием различных, конкурирующих и несовместимых стилей научного рассуждения, производимых противостоящими друг другу группами преподавателей. Иными словами, если борьба за власть на сегодняшних факультетах общественных наук это, как правило, борьба

12
Студенты называли университетское общежитие «стромянкой».

13
Копылов Г.И. Евгений Стромькин (роман в стихах) / Вопросы истории, естествознания и техники. 1998. №2.

14
Интервью со студентом физфака МГУ 1951–1956 гг. / Архив автора.

7

Кастерин Н.П. Обобщение основных уравнений аэродинамики и электродинамики. Доклад на особом совещании при Академии наук СССР 9 декабря 1936 г. // www.vixri.ru/d/a_fizika/kasterin/2%20%20KASTERIN%20N.P.Obobshenie%20osn.%20uravn.%20Aerodinam%20i%20Elektrodinamiki.pdf.

8

Андреев А.В. Физики не шутят. Страницы социальной истории Научно-исследовательского института физики при МГУ (1922–1954). М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 87–91.

9
Там же. С. 201.

10

Отделение математических и естественных наук Академии наук СССР.

административных кланов, между которыми нет научных разногласий, то на физфаке борьба за административное влияние была также конкуренцией противоречащих друг другу способов научного рассуждения. Соответственно, и студенты, участвовавшие в этой борьбе, имели – по крайней мере, потенциально – шанс внести свой вклад в установление границ научности. И в случае физфака МГУ, в силу специфических обстоятельств, они смогли использовать этот исторический шанс.

Четвертая комсомольская конференция

В начале октября 1953 года в МГУ прошла четвертая ежегодная комсомольская конференция, на которой присутствовали более 400 делегатов, представителей 2500 комсомольцев физфака. После первых докладов «по общим вопросам» несколько студентов выступили с резкой критикой факультетских порядков. Они заявили о своем недовольстве тем, что на факультете не преподают известные ученые-физики, а также перегрузкой учебного плана и обилием лишних курсов; прозвучала критика в отношении конкретных курсов и преподавателей. Автор первого критического доклада предложил составить письмо, в котором были бы изложены претензии студентов к системе образования на факультете и рекомендации по ее реформе, и передать его в ЦК КПСС. Это предложение поддержало подавляющее большинство студентов-комсомольцев. Критика студентами факультетских порядков и особенно их решение написать письмо в ЦК вызвали ответную реакцию у некоторых преподавателей, партийных и административных работников физфака и университета. Встречные обвинения и угрозы в адрес студентов перемежались с угрозами не передавать письмо в ЦК. Однако студенты не пошли на уступку и в конечном итоге приняли решение создать комиссию по подготовке обращения в высшую партийную инстанцию. В итоге комсорг пятого курса вместе с двенадцатью студентами физфака отвезли письмо в ЦК КПСС¹⁵.

В декабре 1953 года, после нескольких писем физиков-академиков о необходимости реформы физфака (которые, вероятно, объективно сыграли большую роль в переменах на факультете, чем студенческое выступление) и четвертой комсомольской конференции, ЦК создал комиссию по проверке учебной и научной работы физфака МГУ. По итогам ее работы было принято постановление «О мерах по улучшению подготовки физиков в МГУ». В результате декан А.А. Соколов и несколько других руководителей факультета были отстранены от занимаемых должностей, на факультет пришли новые преподаватели: академики, на приглашении которых настаивали студенты – участники конференции¹⁶. В итоге новые теории, квантовая и релятивистская, обрели окончательную легитимность на физфаке, а натурфилософские построения вроде кастеринского стали невозможными.

Почему студентам-физикам в «тоталитарные» 1950-е годы удалось то, что не удается сегодняшним гуманитариям, пытающимся отделить науку от лженауки в условиях «свободы» и «демократии»? Привычные ссылки на «оттепель», XX съезд и смерть Сталина мало что объяснят нам: например, студенты соседнего истфака за в чем-то похожую критику в те же самые годы были в конечном итоге отправлены в лагерь. По словам одного из участников комсомольской кон-

ференции на физфаке, «наивно думать, что протест на конференции был связан с глотком свободы после смерти Сталина: большинство из нас не понимало, что происходит». Значит, объяснение нужно искать в университете, а не в «эпохе». Я полагаю, что ключевую роль сыграло создание студентами относительно независимого по отношению к деканату и партийным инстанциям центра власти на факультете «на базе» комсомольской организации, что позволило сделать научные вопросы политической повесткой дня в рамках борьбы студентов и администрации.

Дифференциация центров научной власти

Борьба разных групп физиков на факультете в послевоенное время завершилась победой «группы Тимирязева»: Л.И. Мандельштам, его ученики и коллеги были отстранены от работы или сами ушли с факультета в Академию наук; фонд «философской» физики пополнялся новыми диссертациями с критикой «физического идеализма», а на методологических семинарах звучали фразы вроде «Теория относительности есть не что иное как молодой релятивистский шакал субъективного идеализма, гложущий старые метафизические кости ньютоновской механики».

Однако в послевоенное время правительство СССР решило пополнить кадровый резерв «атомного проекта» и расширило набор на специальности по ядерной физике. Увеличение числа студентов требовало пополнения штата преподавателей. В ходе этого процесса в МГУ начала 1950-х годов были созданы два новых физических подразделения: Отделение строения вещества (ОСВ), формально являвшееся частью физфака, но административно подчинявшееся ректорату, и физико-технический факультет (будущий Физтех, ставший отдельным вузом), целиком независимый от физического факультета. На ОСВ преподавали, в основном, физики из Академии наук, которые предпочитали не ссориться с руководством физфака, но и не сблизиться с ним, а на физтехфаке работали публичные противники физфаковского начальства. Однако последнее в 1952 году добилось расформирования физтехфака, и его студенты были переведены на физфак. Таким образом, рост числа студентов трансформировал соотношение сил в университетской физике: с одной стороны, внутри физфака возобладала «философско-идеологическая» группа физиков, но с другой стороны, факультет окружили альтернативные центры научного авторитета, в разной степени оппозиционные физфаковскому руководству. Эта новая тактическая ситуация была благоприятной для проявления организованного студенческого недовольства (кстати, большая часть «зачинщиков» четвертой комсомольской конференции были студентами ОСВ и расформированного физтехфака).

На современных гуманитарных университетских факультетах мы часто наблюдаем иную ситуацию: источники интеллектуальной альтернативы университету, в том числе группы ученых, настаивающих на необходимости введения внятных критериев научности в противовес интеллектуальной невнятице, царящей в гуманитарном университете, вытеснены из университета в анклав независимых научных центров, публицистику, неофициальные кружки.

15

О четвертой комсомольской конференции см.: Гапонов Ю.В., Ковалева С.К., Кессени А.В. Студенческие выступления 1953 года на физфаке МГУ как социальное эхо атомного проекта // История советского атомного проекта: документы, воспоминания, исследования. Вып. 2; Ковалева С. Студенческий бунт 1953 г. на физфаке МГУ // Ты помнишь физфак? Автор-составитель С.К. Ковалева. М.: 2003. Я основываюсь также на интервью с участниками событий осени 1953 г.

16

О работе комиссии см. Андреев А.В. Указ. соч. С. 147–153.

«Атомный проект»
и победа автономии

П. Бурдые определяет научное поле как силовое и смысловое пространство, организованное вокруг двух полюсов: автономного, который характеризуется диктатом специфической логики производства научного продукта, минимально подверженной влиянию политической, экономической и др. логик, и гетерономного, где это влияние максимально¹⁷. Как мы видели, в советской физике 1930–1940-х годов существовал влиятельный гетерономный полюс, представленный, в частности, руководством физического факультета МГУ, апеллировавшим к политическим доктринам с целью легитимации собственной научной позиции и разоблачения позиции оппонентов. Образцовым выражением гетерономистской логики является высказывание одного из преподавателей физического факультета, который пытается дискредитировать теоретическую позицию, апеллируя к внетеоретическим реалиям: «Никогда истинно выдающиеся ученые, тем более русские, не замыкались в рамках узкой касты, не противопоставляли себя народу, основной массе интеллигенции. Если учесть, что согласно этим теоретикам весь партийный актив попадает в категорию “рабочих лошадок”, то станет ясным назначение этих “теорий”»¹⁸.

Мы видели, как представители автономного полюса одержали победу в дискуссии вокруг теории Кастерина. Однако эта победа – следствие не «внутренней силы» «сциентистского» способа обоснования, но расстановки социальных сил в поле науки: доминирующее положение Академии, занимающей автономистскую позицию, в том числе возможность ОМОН АН финансово обескровить исследовательский проект университетского профессора, гарантировало преимущество «сциентистского» мышления. В конце 1940-х – начале 1950-х годов, после успешного испытания ядерного оружия, созданного «академическими» физиками, последние смогли настаивать на реформе физфака МГУ. Синхронно с академиками, но независимо от них действовали комсомольцы физфака, своим письмом в ЦК усилив «изнутри» давление на факультетское руководство, на смену которому в 1954 году пришел новый декан и несколько академиков – впрочем, не сильно потеснившие «старую гвардию». И все же соотношение сил было существенно трансформировано. Эта трансформация позволила комсомольской организации физфака противостоять местным партийным инстанциям. Один из участников четвертой комсомольской конференции в интервью напрямую связывает доминирующее положение партийной организации на факультете с низким уровнем образования: «Почему преподавание плохое? Там же опять партийные деятели держали всё, все кадры подбирали <...> средние физики по этим протекциям попали. Когда мы это поняли, начали шуметь»¹⁹. После того как некоторые из этих «средних физиков» были дискредитированы как ученые, а их теории были признаны ложными в ходе научной борьбы «университетских» и «академических» физиков, партийное руководство физфака, контролирующее набор преподавателей, а отчасти и совпадающее с их составом, также оказалось дискредитированным.

Грубо эту логику можно описать так: если «партийцы» набирают на факультет преподавателей, признанных некомпетентными, значит, и компетентность самих партийцев как руководителей образовательного учреждения может быть оспорена. Легитимность советского политического порядка покоилась на «истинном учении» – марк-

17

П. Бурдые. Поле науки // Социология под вопросом / Отв. ред. Н. А. Шматко. М.: Практикс, 2005. С. 15–48.

18

Выступление В.Ф. Ноздрева на XII партийной конференции МГУ 6 декабря 1953 г. ЦАО-ПИМ.

19

Интервью № 1 / Архив автора.

20

П. Серио. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 2002.

21

Капица П.Л. Эксперимент. Теория. Практика // Эксперимент. Теория. Практика. М.: Наука, 1981. С. 194.

22

См. выступление комсомольца Захарова на отчетно-перевыборном собрании партийной организации физического факультета МГУ 15 октября 1953 г. ЦАОПИМ.

сизме. Некоторые исследователи советской политики даже считают, что советский политический язык был пародией на язык науки²⁰.

Поэтому студенты смогли использовать разоблачение «философско-идеологической» физики как ложной, ошибочной, в качестве точки опоры для обвинения партийного руководства факультета в политической ошибке. В результате победы автономистской фракции «академические» физики, с одной стороны, усилили независимость комсомольской организации по отношению к администрации факультета, а с другой, навязали факультету собственную «повестку дня», определив проблемы, по поводу которых комсомол противостоял партийной организации.

Один из лидеров «академической» физики П.Л. Капица позднее объяснял «кризис», сложившийся, по его мнению, в советской физике в 1940-х годах в том числе и по вине руководства физфака, неоправданным господством теории над экспериментом в физике: «Отрыв теории от эксперимента ... наносит ущерб прежде всего самой теории. Я хотел бы сказать, что отрыв от опыта и от жизни происходил и у философов, занимающихся философскими проблемами естествознания <...>. У многих еще свежо в памяти, как ряд философов, догматически ... доказывал несостоятельность теории относительности <...> Физики уже давно проверили <...> закон Эйнштейна на опыте с элементарными частицами»²¹.

После 1954 года на комсомольских конференциях происходит детализация критики руководства факультета в направлении, заданном «академическими» физиками. Если в 1953 году образовательные требования студентов ограничивались «кадровыми» и общетеоретическими вопросами («Мы, студенты, говорим, что квантовой механикой мы должны владеть так же, как после 10 классов – алгеброй и геометрией»²²), то уже в 1956 году одной из главных тем комсомольского возмущения становится соотношение теории и практики в университетском образовании – «тема Капицы», который был критиком университетского образования как «схоластического» и автором собственной, «практической» системы преподавания, реализованной в Московском физико-техническом институте. Таким образом, поддерживая комсомольцев, пришедшие на факультет физики переместили внутрь факультета его «внешнюю» критику, частично навязав своим научным оппонентам – руководству физфака – собственные правила игры: автономистский язык научной дискуссии.

Заключение

Физики-автономисты в 1950-х годах сделали то, что попытались, но не сумели сделать студенты-социологи OD Group в 2000-х – придать борьбе внутри университета собственно научный смысл. В свою очередь, декан социологического факультета МГУ В.И. Добреньков и его союзники пытались переопределить научные претензии к руководству факультета в терминах борьбы «Запада» и «либералов» против «российской государственности». Если социология в России когда-нибудь станет настоящей наукой, «социологи» вроде Добренькова и Дугина неизбежно окажутся по ту сторону границ науки. Хочется надеяться, что сегодняшние гуманитарии сыграют свою роль в деле проведения этих границ, за прочность которых боролись ученые и студенты физфака МГУ 1950–1960-х годов ■